

УДК 330.11+330.12

<http://doi.org/10.35854/1998-1627-2025-8-1040-1054>

Экономический суверенитет и качество жизни в современной России (2014–2024): диалектика взаимосвязи и социальные эффекты

Сергей Владимирович Дохолян

Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской — обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, sergsvd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4609-448X>

Аннотация

Цель. Провести комплексный анализ влияния политики суверенизации на социально-экономическое благополучие граждан в период с 2014 по 2024 г.

Задачи. Проанализировать эволюцию теоретических понятий; с учетом статистики оценить динамику качества жизни россиян, а также уровень достижения экономического суверенитета России; выявить и описать механизмы взаимовлияния; определить, каким образом направления политики суверенизации (импортозамещение, фискальное стимулирование, денежно-кредитная политика) влияют на социальные результаты, такие как занятость, доходы, цены и доступность кредитов.

Методология. Методологическая база исследования носит междисциплинарный характер и включает в себя синтез теоретического анализа научной литературы и эмпирического анализа количественных данных. Применен системный подход для выявления причинно-следственных связей между макроэкономической политикой и ее социальными последствиями, а также сравнительный анализ для контекстуализации российских показателей.

Результаты. Исследование показало глубоко противоречивую ситуацию. С одной стороны, политика суверенизации способствовала укреплению макроэкономической стабильности, выраженной в незначительном снижении внешнего долга, накоплении резервов и достижению рекордно низкой безработицы, что предотвратило резкое падение уровня жизни. С другой стороны, достижения сопровождаются существенными издержками. Ключевыми негативными последствиями стали хронически высокая инфляция, снижающая реальные доходы населения, и углубление социального неравенства, что подтверждается ростом коэффициента Джини.

Выводы. Подтверждена гипотеза о том, что взаимосвязь между экономическим суверенитетом и качеством жизни в России носит характер сложного компромисса. На современном этапе Россия успешно решает «защитные» задачи суверенитета, но сталкивается с вызовами при реализации «развивающих» задач. Модель роста, основанная на мобилизации ресурсов, демонстрирует признаки истощения и ведет к консервации структурных проблем.

Ключевые слова: качество жизни, экономический суверенитет, доходы и неравенство, экономический рост, человеческий капитал, социально-экономическое развитие, экономическая безопасность

Для цитирования: Дохолян С. В. Экономический суверенитет и качество жизни в современной России (2014–2024): диалектика взаимосвязи и социальные эффекты // *Экономика и управление*. 2025. Т. 31. № 8. С. 1040–1054. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2025-8-1040-1054>

Economic sovereignty and quality of life in modern Russia (2014–2024): Dialectics of interrelation and social effects

Sergey V. Doholyan

Rimashevsky Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Russian Academy of Sciences — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, sergsud@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4609-448X>

Abstract

Aim. The work aimed to conduct a comprehensive analysis of the impact of sovereignization policy on the socio-economic well-being of citizens in the period from 2014 to 2024.

Objectives. The work seeks to analyze the evolution of theoretical concepts; to assess the dynamics of the quality of life of Russians, as well as the economic sovereignty achievement level in Russia, with regards to statistics; to identify and describe the mechanisms of mutual influence; to determine the way the directions of sovereignization policy (import substitution, fiscal incentives, monetary policy) affect social results such as employment, income, prices, and availability of loans.

Methods. The study methodological basis is interdisciplinary and includes a synthesis of theoretical analysis of scientific literature and empirical analysis of quantitative data. It used a systems approach to identify cause-and-effect relationships between macroeconomic policy and its social consequences, as well as a comparative analysis to contextualize Russian indicators.

Results. The study revealed a profoundly contradictory situation. On the one hand, the sovereignization policy contributed to strengthening macroeconomic stability, expressed in a slight decrease in external debt, accumulation of reserves and achievement of record-low unemployment level, which prevented a sharp decrease in the living standards. On the other hand, the achievements are accompanied by significant costs. The key negative consequences were persistently high inflation, reducing real incomes of the population, and deepening social inequality, which is confirmed by the growth of the Gini coefficient.

Conclusions. The work confirmed the hypothesis that the relationship between economic sovereignty and quality of life in Russia represent a complicated compromise. At the present stage, Russia successfully solves the “protective” tasks of sovereignty, but faces challenges in the implementation of “developmental” tasks. The growth model based on resource mobilization shows signs of exhaustion and leads to the preservation of structural problems.

Keywords: *quality of life, economic sovereignty, income and inequality, economic growth, human assets, socio-economic development, economic security*

For citation: Doholyan S.V. Economic sovereignty and quality of life in modern Russia (2014–2024): Dialectics of interrelation and social effects. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2025;31(8): 1040–1054. (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2025-8-1040-1054>

Введение

В современной геополитической и экономической реальности для Российской Федерации (РФ) вопросы обеспечения экономического суверенитета и повышения качества жизни населения приобретают первостепенное значение. Актуальность настоящего исследования обусловлена кардинальной трансформацией обусловленной внешними факторами российской экономики, начавшейся в 2014 г. и ускорившейся после 2022 г. Политика импортозамещения, переориентация торговых потоков, усиление роли государства в экономике, развитие национальных платежных и технологических систем — все эти масштабные процессы, направленные на укрепление суверенитета, напрямую затрагивают доходы, потре-

ние, социальное самочувствие, а в итоге качество жизни россиян.

С одной стороны, экономический суверенитет, понимаемый как способность государства реализовывать самостоятельную внутреннюю и внешнюю экономическую политику, защищать национальные интересы и обеспечивать устойчивость к внешним шокам, служит фундаментом для стабильного социального развития. С другой — методы и инструменты, используемые для достижения этого суверенитета, особенно в условиях санкционного давления и структурной перестройки, могут оказывать неоднозначное влияние на уровень и качество жизни граждан. В связи с этим исследование взаимосвязи качества жизни населения и обеспечения экономического суверенитета приобретает особую теоретическую и практическую значимость.

Гипотеза исследования состоит в том, что взаимосвязь между качеством жизни и экономическим суверенитетом в России носит сложный, диалектический и нелинейный характер. Предполагается, что первоначальный этап форсированной суверенизации (ориентировочно 2014–2022 гг.) сопровождался стагнацией и даже снижением некоторых показателей качества жизни, в частности реальных доходов, ввиду адаптационных шоков. Однако впоследствии адаптация экономики и реализация целенаправленной государственной политики могли создать условия для возникновения синергетических эффектов, при которых развитие суверенных отраслей начинает оказывать положительное влияние на занятость и доходы. Вместе с тем этот процесс, вероятно, сопряжен с усугублением структурных диспропорций, ростом неравенства и перманентными инфляционными рисками. Настоящая статья призвана внести вклад в научную дискуссию о моделях социально-экономического развития РФ в новых условиях, предлагая взвешенную оценку достигнутых результатов и существующих вызовов.

Материалы и методы

Понятие «качество жизни», относящееся сегодня к центральным категориям в социальных науках, отражает комплексную оценку благополучия человека и общества. Современное понимание словосочетания «качество жизни» сформировалось в результате эволюции от более узких экономических трактовок к многомерным, междисциплинарным моделям. Изначально в экономической теории доминировала концепция «уровня жизни», которая фокусировалась преимущественно на количественных, монетарных показателях: уровне доходов, потреблении материальных благ и услуг, обеспеченности жильем. Однако со временем стало очевидным, что высокий уровень потребления не всегда эквивалентен высокому качеству жизни.

О важности комплексного подхода, включающего в себя не только уровень доходов, но и состояние здоровья, доступность образования, экологическую обстановку, личную безопасность и уровень социальной напряженности, пишут, например, В. Н. Бобков и Н. В. Квачев [1], аргументируя необходимость интеграции объективных статистических данных и субъективных оценок удовлетворенности граждан.

С учетом современных подходов понятие «качество жизни» определено как междисциплинарное, характеризующее эффективность всех сторон жизнедеятельности человека, степень удовлетворения его материальных, духовных и социальных потребностей, а также уровень интеллектуального, культурного, физического развития и степень обеспечения безопасности. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) включает в это понятие физическое, психологическое, эмоциональное и социальное здоровье человека, основанное на его собственном восприятии своего места в обществе. Таким образом, ключевое отличие качества жизни от уровня жизни состоит в том, что первое представляет собой более широкую, социологическую категорию, которая интегрирует и объективные условия жизнедеятельности, и их субъективное восприятие индивидом. Качество жизни подразумевает немонетарные аспекты, в том числе состояние окружающей среды, условия и безопасность труда, доступность информации, реализацию гражданских прав и человеческого потенциала.

В экономической науке значительный вклад в расширение трактовки рассматриваемого понятия внес Дж. К. Гэлбрейт. Он утверждал, что основой высокого качества жизни является не просто экономический рост, а развитие, базирующееся на технологических инновациях. Особую роль в достижении достойного качества жизни Гэлбрейт отводил образованию, рассматривая его как главный инструмент борьбы с бедностью и ключевой фактор социального прогресса.

В российской экономической науке также существует ряд подходов к определению рассматриваемого понятия. Так, В. Н. Бобков трактует понятие «качество жизни» как уровень развития и степень удовлетворения комплекса высокоразвитых потребностей и интересов людей [2]. Этот подход акцентирует внимание не столько на базовых потребностях, сколько на возможностях для самореализации и развития личности. Систематизация различных подходов позволяет выделить ключевые компоненты, или домены, качества жизни, которые используют для его оценки в международных сопоставлениях (например, в рамках Индекса человеческого развития ПРООН) и национальных системах мониторинга, предполагающих учет состояния таких сегментов,

как материальное благосостояние¹; здоровье и демография²; образование и культура³; занятость и условия труда⁴; социальная безопасность⁵; личная и общественная безопасность⁶; качество окружающей среды⁷. Иными словами, качество жизни представляет собой интегральный критерий, отражающий итоговый результат социально-экономического развития общества и служащий конечной целью государственной политики.

Концепция экономического суверенитета в XXI веке претерпела значительную трансформацию. Анализ научной экономической литературы последних лет, посвященной российской экономике, позволяет выявить несколько приоритетных направлений, в рамках которых происходит синтез концепций качества жизни и экономического суверенитета.

Понятие экономического суверенитета эволюционирует. Если ранее оно ассоциировалось преимущественно с протекционизмом, то сегодня, как пишет А. Д. Некипелов [3], речь идет о способности национальной экономики к самостоятельному технологическому и финансовому развитию. В последние годы фокус смещен на достижение технологического и цифрового суверенитета. С. Ю. Глазьев [4] (эти идеи развиты в более поздних статьях 2020–2023 гг. [5]) настаивает на том, что истинный суверенитет в XXI веке невозможен без опережающего развития собственных наукоемких отраслей и формирования независимой финансовой системы. Е. В. Ленчук в статье [6] связывает способность страны к инновациям с ее долгосрочной конкурентоспособностью и устойчивостью.

Второе направление исследований посвящено анализу последствий санкционной политики и ответных мер Правительства РФ (контрсанкций и импортозамещения). Исследователи указывают на двойственный характер этого влияния. Санкции ограничивают доступ к технологиям, инвестициям и рынкам, создавая прямые угрозы для экономического развития и, как следствие, качества жизни. Мнения исследователей при этом расходятся.

А. В. Зимовец и Т. Д. Климачев в работах, опубликованных в 2025 г., детально проанализировали негативные шоки 2022 г., включая уход иностранных корпораций, разрыв производственных цепочек и удар по высокотехнологичному сектору [7]. Вместе с тем эти ограничения выступают мощным стимулом для развития внутреннего производства и реализации политики импортозамещения, что в перспективе поможет создать новые рабочие места и повысить экономическую устойчивость. В исследовании упомянутых авторов также освещены антикризисные меры Правительства РФ (поддержка IT-отрасли, легализация параллельного импорта), направленные на смягчение негативных последствий для экономики и населения.

А. Н. Спартак [8] обращает внимание на то, что торговые ограничения привели к структурной перестройке экономики, но сопряжены со значительными издержками. Е. А. Болотнова, О. А. Бабкина и А. А. Воронков [9] приходят к выводу о том, что, несмотря на определенные успехи в сельском хозяйстве, в ряде отраслей импортозамещение привело к росту цен и снижению качества доступной продукции, что напрямую ударило по потребителям. А. А. Широков, М. С. Гусев и И. Э. Фролов [10] полагают, что адаптация экономики к санкциям оказалась более успешной, чем предсказывали многие эксперты, и создан определенный задел прочности. Исследователи Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, анализируя потребительское поведение, упоминают о его изменениях, в частности сокращении горизонта планирования, переходе на более дешевые аналоги и росте доли расходов на продукты питания, что служит маркером снижения качества жизни для определенных групп населения [11].

Третье направление концентрируется на проблеме структурной перестройки экономики и роли человеческого капитала как связующего звена между суверенитетом и качеством жизни. Видный российский экономист, академик РАН А. Г. Аганбегян, в своих работах последовательно доказывает,

¹ Уровень доходов, структура потребления, обеспеченность жильем и товарами длительного пользования.

² Ожидаемая продолжительность жизни, уровень заболеваемости, доступность и качество медицинских услуг.

³ Уровень грамотности, охват населения различными ступенями образования, доступ к культурным ценностям.

⁴ Уровень безработицы, безопасность на рабочем месте, удовлетворенность трудовой деятельностью.

⁵ Уровень социальной защиты, пенсионное обеспечение, работа социальных служб.

⁶ Уровень преступности, защищенность прав и свобод граждан.

⁷ Состояние воздушного и водного бассейнов, уровень загрязнения, доступ к чистой воде.

что ключевой проблемой отечественной экономики является ее устаревшая структура с доминированием сырьевых отраслей и прогрессирующим старением основных фондов [12; 13; 14; 15; 16; 17]. По его мнению, преодоление стагнации и обеспечение качественного роста, который бы транслировался в повышение качества жизни, невозможно без форсированного развития «экономики знаний» — науки, образования, здравоохранения, информационных и биотехнологий — и кардинального увеличения нормы накопления, то есть доли инвестиций в ВВП. Этот подход напрямую связывает цели экономического суверенитета (достижение технологической независимости) с необходимостью масштабных инвестиций в человеческий капитал, который служит ядром качества жизни.

В. А. Мау также в своих публикациях (до 2023 г.) неоднократно пишет о том, что долгосрочный суверенитет и конкурентоспособность страны определяются не столько природными ресурсами, сколько качеством человеческого капитала, то есть уровнем образования, науки и здравоохранения [18]. Эту идею развивают Т. Л. Клячко и Е. А. Семионова [19], доказывая, что инвестиции в людей — наиболее эффективный способ достижения экономического суверенитета и высокого качества жизни. Снижение доступности качественного образования или здравоохранения, даже если оно происходит при росте макроэкономических показателей, подрывает основы будущего развития. В работах Л. М. Григорьева и А. А. Рябина акцентировано внимание на том, что чрезмерное неравенство доходов и доступа к социальным благам не только снижает среднее качество жизни, но и создает угрозы для социальной стабильности, ослабляя тем самым суверенитет изнутри [20].

Таким образом, высокое качество жизни, особенно в аспекте образования и здоровья населения, выступает не просто как социальный результат, но и как важнейший ресурс для обеспечения технологического суверенитета.

Четвертое направление делает акцент на эффективности государственных программ и национальных проектов, нацеленных на повышение качества жизни. В частности, А. Г. Аганбегян [21] критически оценивает их реализацию, указывая на недостаточные темпы роста реальных доходов населения как на ключевую проблему. Е. М. Бухвальд в статье [22] пишет о рисках формального

подхода к исполнению показателей проектов без достижения изменений в качестве жизни граждан. Н. В. Зубаревич [23] исследует пространственный аспект, показывая, как экономическая политика по-разному сказывается на качестве жизни в различных типах регионов (будь то столичные агломерации, промышленные центры или периферия), зачастую усиливая существующее неравенство.

Пятое направление раскрывает проблемы неравенства. Исследования, проводимые, в частности, экспертами Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), показывают, что официальная статистика может недооценивать реальный уровень неравенства в России, особенно если учитывать не только доходы, но и концентрацию богатства. В работе Н. Е. Дмитриевой (2023) прослеживается то, каким образом глубокие территориальные, отраслевые и образовательные разрывы способствуют воспроизводству неравенства из поколения в поколение [24]. Это ставит под сомнение инклюзивность текущей модели экономического роста и является критически важным аспектом для анализа, поскольку политика суверенизации, концентрирующая ресурсы в отдельных «прорывных» направлениях, может не только не решать, но и усугублять имеющиеся диспропорции.

Синтез этих подходов позволяет выявить глубинную диалектику. Теоретические определения качества жизни и экономического суверенитета не просто существуют параллельно. Они внутренне взаимосвязаны: высокое качество жизни (особенно образование и здоровье) служит стратегическим ресурсом для технологического суверенитета, а экономический суверенитет провозглашают инструментом для защиты и повышения качества жизни. Это создает потенциально позитивный цикл обратной связи.

Однако наблюдается и концептуальный разрыв между «защитной» и «развивающей» функциями экономического суверенитета и их влиянием на качество жизни. «Защитная» функция (например, стабилизация финансовой системы, накопление резервов) направлена на предотвращение резкого падения уровня жизни в условиях кризиса. Антикризисные меры Банка России в 2022 г. служат примером реализации этой функции. «Развивающая» функция (создание новых отраслей, структурная перестройка) нацелена на долгосрочное повышение качества

жизни через создание высокопроизводительных рабочих мест. Эти две функции могут вступать в прямой конфликт. Например, жесткая монетарная политика (высокая ключевая ставка), необходимая для финансовой стабильности, подавляет инвестиционную активность, тормозит «развивающую» функцию и одновременно удорожает кредиты для населения, напрямую снижая качество жизни. Этот внутренний конфликт видится одним из центральных для понимания современных экономических процессов в России.

Таким образом, научный дискурс последних лет демонстрирует понимание сложности и неоднозначности исследуемой взаимосвязи. Большинство авторов сходятся во мнении о том, что механический перенос фокуса на суверенитет без учета социальных последствий контрпродуктивен. Успех стратегии суверенизации напрямую зависит от того, удастся ли конвертировать ее результаты в ощутимый рост благосостояния и качества жизни широких слоев населения. Современные исследователи выделяют несколько ключевых компонентов, формирующих структуру экономического суверенитета [25]: ресурсная и продовольственная независимость¹; научно-технологическая независимость²; финансовая независимость³; инфраструктурный суверенитет⁴.

Принципиально важным является тот факт, что в современных концепциях экономического суверенитета, в том числе в официальных документах Правительства РФ, приоритетность обеспечения и повышения качества жизни населения прямо декларируется как один из основополагающих принципов и конечных целей суверенной экономики. Так, Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента России № 208 от 13 мая 2017 г., определяет экономическую безопасность как состояние защищенности национальной экономики от внешних

и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства и условия для реализации стратегических национальных приоритетов. Это устанавливает прямую связь между двумя исследуемыми феноменами, позиционируя суверенитет не как самоцель, а как инструмент для достижения социального благополучия.

Анализ ключевых статистических показателей качества жизни в России за последнее десятилетие выявляет сложную и противоречивую ситуацию, характеризующуюся и периодами стагнации, и фазами восстановительного роста ввиду глубоких структурных сдвигов. Динамика материального благосостояния населения является одним из наиболее чувствительных индикаторов социально-экономической ситуации. После кризиса 2014 г. и последующего периода адаптации к санкциям в действительности располагаемые денежные доходы населения демонстрировали длительный период стагнации и снижения. Однако в 2023–2024 гг. наблюдается тенденция к их росту. По данным Росстата, рост реальных располагаемых доходов в 2023 г. составил 5,4 %, а в первом квартале 2024 г. ускорился до 5,8 % в годовом выражении. Этот рост во многом обусловлен увеличением заработных плат в ряде секторов экономики и расширением мер социальной поддержки. Для более глубокого понимания источников благосостояния уместно рассмотреть структуру денежных доходов населения, которая приведена в таблице 1.

Сведения, приведенные в таблице 1, показывают, что оплата труда остается доминирующим источником доходов. Однако ее доля несколько колебалась, в то время как доля социальных выплат отражала тенденцию к росту. Это говорит о возрастающей роли государства в поддержании доходов граждан, особенно в периоды экономической нестабильности.

¹ Способность страны обеспечивать себя ключевыми ресурсами (продовольствием, энергией, стратегическим сырьем) на уровне, достаточном для устойчивого функционирования экономики и жизнедеятельности населения в условиях внешних ограничений.

² Наличие под национальным контролем критически важных и сквозных технологий, собственной научной школы и производственной базы, способных обеспечить технологическое развитие и выпуск конкурентоспособной продукции. Этот компонент считается одним из главных в современную эпоху, так как технологическая зависимость создает наиболее значительные угрозы для долгосрочного развития.

³ Устойчивость национальной финансовой и валютной системы, низкая зависимость от внешнего долга, способность контролировать трансграничное движение капитала и иностранные инвестиции в соответствии с национальными интересами, а также наличие достаточных международных резервов для парирования внешних шоков.

⁴ Контроль над ключевыми объектами транспортной, энергетической, информационной и цифровой инфраструктуры, обеспечивающими связность национальной территории и функционирование экономики.

Структура денежных доходов населения России за 2014–2023 гг., % от общего объема

Table 1. Structure of monetary income of the population of Russia for 2014–2023, % of the total

Год	Всего денежных доходов, млрд руб.	в том числе в %				
		доходы от предпринимательской и другой производственной деятельности	оплата труда наемных работников	социальные выплаты	доходы от собственности	прочие денежные поступления
2014	49 471,1	8,8	67,8	18,3	5,4	–0,3
2015	52 445,6	8,1	66,1	19,1	5,7	1,0
2016	54 695,5	7,7	65,5	19,5	5,8	1,5
2017	57 434,9	7,8	65,4	19,2	5,2	2,4
2018	61 168,0	7,9	66,2	18,9	4,8	2,2
2019	64 701,3	7,7	66,1	19,4	5,1	1,7
2020	67 756,9	6,3	64,6	21,9	4,9	2,3
2021	75 940,3	6,9	64,9	20,3	5,4	2,5
2022	83 935,9	7,8	65,4	19,7	4,7	2,4
2023	93 086,8	8,6	64,7	19,1	4,9	2,7
2024	36 708,8	7,1	62,8	20,8	7,6	1,7

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

Одновременно с ростом доходов наблюдается устойчивая тенденция к снижению уровня бедности. По официальным данным, доля населения с доходами ниже границы бедности достигла рекордно низких значений, снизившись с 13,4 % в 2015 г. до 9,3 % по итогам 2023 г. и продолжив снижение в 2024 г. Этот позитивный сдвиг во многом служит результатом реализации адресных социальных программ и повышения минимального размера оплаты труда. Тем не менее ряд экспертов указывают на возможные искажения, связанные с изменением методологии расчета границы бедности, что может несколько завышать позитивную динамику.

Ввиду этих положительных тенденций актуальной становится проблема неравенства доходов населения. Коэффициент Джини, являющийся ключевым измерителем неравномерности распределения доходов, после некоторого снижения в кризисном 2022 г. (до 0,398) вновь начал расти, достигнув 0,408 в 2024 г. и практически вернувшись к досанкционным уровням 2021 г. (0,409). Аналогичную динамику показывает и коэффициент фондов (соотношение доходов 10 % самых богатых и 10 % самых бедных граждан), который возрос с 13,8 в 2022 г. до 15,1 в 2024 г. Это свидетельствует о том, что плоды экономического роста распределяются крайне неравномерно, а разрыв между богатыми и бедными слоями населения увеличивается, как следует из таблицы 2.

Итак, в таблице 2 находит отражение ключевой парадокс современного этапа: одновре-

менное снижение абсолютной бедности и рост относительного неравенства. Это указывает на то, что государственная политика эффективно решает задачу поддержки наименее обеспеченных слоев через трансферты, но не создает условий для инклюзивного роста, который бы сокращал разрывы в рыночных доходах. Целесообразно сравнить уровень неравенства в России с экономиками других крупных стран, отраженный в таблице 3.

Из таблицы 3 следует, что уровень социального неравенства в России сопоставим с показателями США, но заметно выше, чем в европейских странах G7 и Канаде. В рамках БРИКС Россия демонстрирует более низкий уровень неравенства, чем Бразилия, Китай и ЮАР, но значительно более высокий, чем Индия, согласно последним открытым данным.

Ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) — это интегральный показатель здоровья нации. После достижения исторического максимума в 2019 г. (73,34 года) этот показатель значительно снизился в период пандемии коронавируса COVID-19 (до 70,06 лет в 2021 г.). В 2022–2023 гг. началось его уверенное восстановление: в 2022 г. ОПЖ составила 72,73 года, а в 2023 г. — 73,41 года, как видно в таблице 4. Несмотря на позитивную динамику, сохраняются значительный гендерный разрыв (почти 11 лет в 2023 г.) и сильная региональная дифференциация. Приостановка публикации Росстатом данных об ОПЖ в региональном аспекте с 2023 г. затрудняет детальный анализ территориальных диспропорций.

Динамика показателей благосостояния населения РФ в 2014–2023 гг.

Table 2. Dynamics of well-being indicators of the population of the Russian Federation in 2014–2023

Год	Реальные располагаемые доходы (изменение, % к предыдущему году)	Уровень бедности, %	Коэффициент Джини
2014	–1,2	11,2	0,416
2015	–2,8	13,4	0,413
2016	–4,6	13,2	0,412
2017	–0,9	12,9	0,411
2018	+0,5	12,6	0,413
2019	+1,2	12,3	0,411
2020	–2,0	12,1	0,406
2021	+3,2	11,0	0,409
2022	–1,0	9,8	0,398
2023	+5,4	9,3	0,405
2024	+1,2	7,2	0,408

Источник: составлено автором на основе данных Росстата, Минэкономразвития России.

Таблица 3

Сравнительный анализ уровня неравенства (коэффициент Джини) в странах БРИКС и G7

Table 3. Comparative analysis of the level of inequality (Gini coefficient) in the BRICS and G7 countries

Страна	Коэффициент Джини	Год
БРИКС		
Россия	0,405	2023
Бразилия	0,520	2022
Индия	0,255	2022
Китай	0,465	2023
ЮАР	0,630	2014
Страны G7		
США	0,413	2022
Великобритания	0,343	2018
Германия	0,317	2019
Канада	0,302	2020
Франция	0,293	2018
Италия	0,348	2021
Япония	0,334	2013

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного Банка и национальных статистических служб.

Ситуация на рынке труда, напротив, демонстрирует беспрецедентно позитивную динамику, как показано в таблице 5. Уровень безработицы, рассчитанный по методологии Международной организации труда, последовательно снижался и к 2024 г. достиг исторического минимума, опустившись ниже 3 %. Это вызвано и демографическими причинами (сокращение численности населения в трудоспособном возрасте), и структурным сдвигом в экономике, то есть ростом спроса на рабочую силу в отраслях, связанных с импортозамещением, строительством и оборонно-промышленным комплексом (ОПК).

Сопоставление данных, приведенных в таблицах 2, 4 и 5, отражает дисбаланс в

развитии различных сфер качества жизни. Рекордно низкая безработица и рост доходов соседствуют с ОПЖ, которая лишь восстанавливается после недавнего провала и по-прежнему значительно отстает от показателей развитых стран, а также с растущим социальным расслоением.

Оценка уровня экономического суверенитета требует анализа комплекса показателей, отражающих финансовую устойчивость страны и ее зависимость от внешнего мира.

1. Укрепление финансового (или экономического) суверенитета. Одним из ключевых достижений в области укрепления суверенитета стало значительное снижение долговой нагрузки. Внешний долг РФ, достигавший

Ключевые социальные индикаторы качества жизни в России, 2014–2023 гг.

Table 4. Key social indicators of quality of life in Russia, 2014–2023

Год	ОПЖ (оба пола, лет)	ОПЖ (мужчины, лет)	ОПЖ (женщины, лет)	Уровень безработицы по методологии МОТ, %
2014	70,93	н/д	н/д	5,2
2015	71,39	65,92	76,61	5,6
2016	71,87	66,50	77,06	5,5
2017	72,70	67,51	77,64	5,2
2018	72,91	67,75	77,82	4,8
2019	73,34	68,24	78,17	4,6
2020	71,54	66,49	76,43	5,8
2021	70,06	65,51	74,51	4,8
2022	72,73	67,61	77,83	3,9
2023	73,41	68,04	78,74	3,2
2024	73,0	н/д	н/д	2,6

Источник: составлено автором по данным Росстата.

Таблица 5

Динамика рынка труда в России в 2014–2023 гг., млн чел.

Table 5. Dynamics of the labor market in Russia in 2014–2023, million people

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Рабочая сила	75,3	76,5	76,5	76,0	75,9	75,2	75,4	75,6	74,9	75,8	76,3
Занятые	71,5	72,3	72,3	72,1	72,3	71,8	71,1	72,0	72,0	73,4	74,4
Безработные	3,8	4,2	4,2	3,9	3,6	3,4	4,3	3,6	2,9	2,4	1,9

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

пиковых значений в 2014 г. (свыше 730 млрд долл. США), к 2024 г. сократился более чем вдвое и находится на одном из самых низких уровней в мире по отношению к ВВП. Особенно низким является государственный внешний долг, что кардинально снижает уязвимость бюджетной системы к внешним финансовым шокам. Другим столпом финансового суверенитета считают международные (золотовалютные) резервы. Несмотря на заморозку значительной части активов в 2022 г., их общий объем остается на высоком уровне, периодически обновляя исторические максимумы и превышая 600 млрд долл. США. Эти резервы создают мощную подушку безопасности, позволяя Банку России и Правительству РФ стабилизировать валютный рынок и финансировать критический импорт.

2. Торгово-технологическая зависимость. Прямым следствием санкционной политики западных стран и ответных мер со стороны России стало снижение зависимости от импорта. Доля импорта в ВВП России, составлявшая в 2021 г. 20,6 %, по итогам 2023 г. снизилась до 19,1 %. Этот процесс отражает как вынужденное сокращение поставок из

«недружественных» стран, так и результаты политики импортозамещения. Таблица 6 показывает, что основу российского экспорта по-прежнему составляют минеральные продукты. Между тем в импорте доминируют машины, оборудование и транспортные средства, а также химическая продукция. Это указывает на сохраняющуюся технологическую зависимость в ключевых секторах.

Однако «платой» за снижение импортной зависимости и структурную перестройку стала хронически высокая инфляция. После резкого всплеска весной 2022 г. (до 17,8 % в годовом выражении) инфляция, несмотря на усилия Банка России, остается на повышенном уровне, значительно превышая целевой показатель в 4 %. По итогам 2023 г. она составила 7,42 %, а в 2024 г., по прогнозам, также осталась высокой. Это указывает на наличие глубоких структурных проблем в экономике: неэластичность предложения, логистические издержки, дефицит на рынке труда и низкий уровень конкуренции в ряде секторов, развивающихся в рамках импортозамещения.

Анализ таблицы 7 позволяет оценить успехи и издержки политики суверенизации. Очевидны достижения в области укрепления

Товарная структура внешней торговли России в 2023–2024 гг., млрд долл. США

Table 6. Commodity structure of Russia's international commerce in 2023–2024, billion US dollars

Товарная группа	Экспорт 2023	Экспорт 2024	Импорт 2023	Импорт 2024
Минеральные продукты	260,4	264,1	5,6	4,5
Продовольствие и сельхозпродукция	43,1	42,6	35,2	37,7
Химическая продукция	27,2	27,6	55,7	53,5
Металлы и изделия из них	51,6	51,2	16,0	14,7
Машины, оборудование и транспортные средства	17,7	17,1	119,6	118,4

Источник: составлено автором на основе данных Федеральной таможенной службы.

Ключевые показатели экономического суверенитета РФ в 2014–2023 гг.

Table 7. Key indicators of economic sovereignty of the Russian Federation in 2014–2023

Год	Доля импорта в ВВП, %	Инфляция (ИПЦ, г/г, %)	Внешний долг, % от ВВП	Международные резервы (млрд USD, на конец года)
2014	н/д	11,36	н/д	385,5
2015	21,6	12,91	39,9	368,4
2016	18,2	5,38	40,5	377,7
2017	18,9	2,52	33,1	432,7
2018	19,4	4,27	29,2	468,5
2019	19,7	3,05	27,2	554,4
2020	20,8	4,91	31,8	595,8
2021	20,6	8,39	26,2	630,5
2022	16,7	11,94	21,1	582,0
2023	19,1	7,42	16,6	598,5
2024	н/д	9,9	14,4	611,3

Источник: составлено автором по данным Росстата, Банка России, Всемирного Банка.

финансовой стабильности (снижение долга, накопление резервов) и некоторое снижение импортной зависимости. Однако эти успехи сопровождаются устойчиво высокой инфляцией, которая видится прямым вычетом из благосостояния населения и негативно влияет на качество жизни. Анализ статистических данных позволяет перейти к рассмотрению механизмов, через которые политика обеспечения экономического суверенитета влияет на качество жизни населения.

Механизм импортозамещения и контрсанкций носит двойственный характер. С одной стороны, ограничение импорта и поддержка отечественных производителей стимулируют создание новых рабочих мест и рост производства в таких отраслях, как сельское хозяйство, пищевая промышленность, фармацевтика и машиностроение, что способствует снижению безработицы и росту заработных плат в перечисленных секторах. С другой — этот процесс неизбежно ведет к росту цен (инфляция издержек из-за менее эффективных технологий или более дорогой логистики), а также к временному снижению

качества и сужению ассортимента доступных потребителям товаров. Таким образом, выигрыш в занятости для одной группы населения может обернуться проигрышем в покупательной способности для всех.

В условиях санкций и переориентации экономики именно государство стало ключевым инвестором и заказчиком. Масштабные вливания в инфраструктурные проекты (строительство дорог, портов), ОПК и программы технологического развития выступают главным драйвером текущего экономического роста. Именно этот фискальный импульс во многом объясняет рост реальных доходов и рекордно низкую безработицу в 2023–2024 гг. Однако такая модель роста имеет риски. Она приводит к «перегреву» отдельных секторов, оттягивая на себя дефицитные трудовые и материальные ресурсы и создавая мощное инфляционное давление. Кроме того, она усиливает межотраслевое неравенство в оплате труда, поскольку зарплаты в секторах, получающих государственные заказы, растут значительно быстрее, чем в среднем по экономике. Неравномерность технологического

Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП России за 2014–2022 гг., %

Table 8. Share of high-tech and knowledge-intensive industries in Russia's gross domestic product in 2014–2022, %

Год	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Доля в ВВП, %	21,6	21,1	21,3	21,8	21,3	22,2	25,0	23,6	22,3

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

развития подтверждается динамикой доли высокотехнологичных отраслей в ВВП.

В таблице 8 показана динамика доли высокотехнологичных отраслей в ВВП. После роста в 2014 г. показатель стагнировал, даже снижался до 2017 г. Заметный скачок произошел в 2020 г., что может быть связано с так называемыми пандемийными стимулами для развития цифровых и медицинских технологий. Однако в последующие годы доля снова снизилась, что указывает на неустойчивость этого роста и сохраняющиеся структурные проблемы в развитии наукоемкого сектора.

В ответ на инфляционные риски, порожденные структурной перестройкой и фискальным стимулированием, Банк России вынужден проводить жесткую денежно-кредитную политику, поддерживая высокую ключевую ставку. Эта мера направлена на обеспечение финансового суверенитета через борьбу с инфляцией и стабилизацию национальной валюты. Однако ее побочным эффектом стало удорожание кредитов, что наносит удар по качеству жизни населения, ограничивая возможности для улучшения жилищных условий через ипотеку и снижая доступность потребительского кредитования. Одновременно кредиты с высокой процентной ставкой тормозят частные инвестиции в несырьевых секторах, не получающих прямой государственной поддержки, что консервирует структурные диспропорции в экономике.

Наблюдавшийся в 2023–2024 гг. рост реальных доходов и снижение уровня бедности не являются следствием органического, рыночного роста производительности в экономике в целом. Скорее, это результат масштабного фискального импульса, адресно направленного в конкретные «суверенные» сектора. Рост доходов сконцентрирован в отраслях, получающих государственную поддержку, что способствует росту соответствующих средних показателей и позволяет через адресные выплаты сокращать количество бедных. Однако работники других секторов сталкиваются с инфляцией, не компенсируемой адекватным ростом их зар-

плат. В результате качество жизни улучшается избирательно, что и находит отражение в росте коэффициента Джини. Это делает сложившуюся социальную стабильность зависимой от продолжения масштабных государственных вливаний и уязвимой к их возможному сокращению в будущем.

Возникает своего рода парадокс суверенитета. Чем успешнее Россия изолирует свою финансовую систему от внешних шоков (низкий долг, большие резервы), тем большее инфляционное давление генерируется внутри системы при попытках стимулировать «суверенное» развитие за счет внутренних источников. В условиях ограниченного доступа к внешним рынкам капитала и технологий масштабные инвестиции, необходимые для структурной перестройки, финансируются либо за счет бюджетных доходов от экспорта, либо за счет кредитной эмиссии. Оба источника в условиях неэластичного предложения (дефицит кадров, логистические проблемы) ведут к росту цен. Центральный банк вынужден бороться с этой инфляцией, повышая ставку, что, в свою очередь, подавляет частную активность и снижает доступность кредитов для населения. Таким образом, финансовый суверенитет, достигнутый в «защитном» аспекте, создает внутренние вызовы для «развивающего» аспекта, и эти вызовы напрямую отражаются на качестве жизни граждан через инфляцию и дорогие кредиты.

Результаты и обсуждение

Проведенный анализ теоретических концепций и эмпирических данных позволяет систематизировать полученные результаты и выявить ключевые моменты во взаимосвязи между обеспечением экономического суверенитета и качеством жизни населения России в 2014–2024 гг. Политика, направленная на укрепление экономического суверенитета, оказывает комплексное и зачастую противоречивое воздействие на различные компоненты качества жизни.

К положительным эффектам можно отнести следующие.

1. В области занятости политика импортозамещения и рост государственных инвестиций в стратегические отрасли привели к созданию новых рабочих мест и достижению рекордно низкого уровня безработицы. Это видится значимым положительным фактором для социальной стабильности.

2. С точки зрения макроэкономической стабильности укрепление финансового суверенитета (низкий внешний долг, значительные резервы) повысило устойчивость экономики к внешним шокам, предотвратив катастрофическое падение уровня жизни, которое могло бы произойти при отсутствии этих подушек безопасности.

3. Целевая поддержка и увеличение количества государственных заказов привели к существенному росту заработных плат в приоритетных отраслях (ОПК, строительство, ИТ), что способствовало росту средних показателей реальных доходов по стране.

К отрицательным эффектам можно отнести следующие.

1. Структурная перестройка, логистические трудности и фискальное стимулирование стали ключевыми факторами хронически высокой инфляции, которая напрямую снижает покупательную способность доходов населения и является основной «платой» за суверенизацию.

2. Экономический рост, обусловленный государственными вливаниями, носит избирательный характер, что приводит к углублению межотраслевого и межрегионального неравенства. Выгоды от политики суверенизации распределяются неравномерно, что находит отражение в росте коэффициента Джини.

3. Ограничение импорта и уход иностранных компаний привели к сужению ассортимента, а в ряде случаев — к снижению качества потребительских товаров и услуг. Высокая ключевая ставка, как инструмент борьбы с инфляцией, ограничивает доступность кредитных ресурсов, в первую очередь ипотеки, что затрудняет решение жилищного вопроса для многих семей.

С учетом проведенного анализа целесообразно выделить три устойчивых тенденции, характеризующих современную российскую социально-экономическую модель.

1. Улучшение ключевых макропоказателей качества жизни (средние доходы, уровень бедности) в последние годы сильно коррелирует с объемом и направленностью государственных расходов, а не с ростом ры-

ночной эффективности и производительности труда в масштабах в целом экономики. Социальная стабильность в значительной степени поддерживается фискальными мерами (адресными выплатами, государственными заказами), что делает ее зависимой от состояния государственных финансов.

2. Достижение целей в области экономического суверенитета, таких как снижение зависимости от импорта и внешнего финансирования, систематически сопровождается более высоким уровнем внутренней инфляции по сравнению с целевыми ориентирами. Инфляция выступает в роли квазиалюга, через который население и бизнес оплачивают издержки структурной трансформации.

3. Политика суверенизации, концентрируя ресурсы в определенных отраслях и регионах, приводит к формированию «островов благополучия» на фоне стагнации или более медленного роста в других сегментах экономики. Это ведет к поляризации рынка труда и доходов, усиливая социальное расслоение и создавая риски для долгосрочной социальной сплоченности.

Таким образом, результаты исследования показывают, что Россия находится в процессе сложного компромисса. Например, каждый процентный пункт снижения безработицы, достигнутый за счет стимулирования «суверенных» отраслей, сопровождается определенным инфляционным давлением. Каждое решение по повышению ключевой ставки для обеспечения финансовой стабильности имеет свою цену в виде снижения доступности жилья и потребительских кредитов для населения. Управление этими компромиссами служит центральной задачей экономической политики на современном этапе.

Выводы

Настоящее исследование подтверждает гипотезу о сложной, диалектической и нелинейной взаимосвязи между качеством жизни населения и обеспечением экономического суверенитета в современной России. Невозможно дать однозначную оценку этой взаимосвязи как сугубо положительной или отрицательной. Политика, проводимая с 2014 г., позволила создать экономическую конструкцию, более устойчивую к внешним шокам. Однако ее внутренняя эффективность и влияние на благосостояние населения остаются неоднозначными и полными противоречий.

Итоговая оценка заключается в том, что на современном этапе Россия успешно решает «защитные» задачи суверенитета, но сталкивается с существенными вызовами при реализации «развивающих» задач. Достигнутая макроэкономическая стабильность служит важным фундаментом. Однако модель роста, основанная на мобилизации ресурсов и фискальном стимулировании, демонстрирует признаки истощения своего позитивного потенциала для качества жизни. Рост средних показателей доходов и снижение бедности маскируют усиление неравенства и зависимость благополучия значительной части населения от государственных трансфертов.

Ключевой вывод исследования состоит в том, что долгосрочная устойчивость модели «суверенной экономики» и возможность гармоничного сочетания ее целей с повышением качества жизни напрямую зависят от способности осуществить переход от мобилизационного, государственно-ориентированного роста к росту, основанному на повышении производительности труда во всех секторах, развитии частной инициативы, а главное, на масштабных инвестициях в человеческий капитал. Без кардинального повышения качества, доступности базовых социальных услуг (в сферах здравоохранения, образования) и решения проблемы нарастающего неравенства достигнутый суверенитет может оказаться хрупким, а рост качества жизни — неустойчивым. Как справедливо утверждают ведущие экономисты, в частности академик А. Г. Аганбегян, без форсированного развития «экономики знаний» страна рискует оказаться в ловушке стагнации, даже обладая формальными атрибутами суверенитета.

На основе сделанных выводов можно сформулировать следующие рекомендации для экономической политики. Для гармонизации целей суверенитета и благосостояния необходим переход к новой модели экономической

политики, которую можно охарактеризовать как «суверенитет через развитие». Следует искать баланс между стимулированием экономического роста и контролем над инфляцией. Это требует не только использования инструментов денежно-кредитной политики, но и реализации структурных мер, направленных на развитие конкуренции, снятие логистических и инфраструктурных ограничений, которые служат немонетарными факторами роста цен.

Необходимо разработать и реализовать комплекс мер по стимулированию роста реальных доходов, включая политику опережающего роста МРОТ, индексацию пенсий и зарплат в бюджетной сфере выше инфляции, а также создание условий для роста зарплат в частном секторе. Рост внутреннего платежеспособного спроса является не только социальной мерой, но и важнейшим драйвером для развития несырьевых секторов экономики, ориентированных на внутренний рынок, что также работает на укрепление суверенитета.

С нашей точки зрения, следует разработать и внедрить механизмы более справедливого распределения выгод от экономического роста. Это может включать в себя совершенствование налоговой системы в направлении большей прогрессивности, а также повышение эффективности и адресности социальных трансфертов для противодействия росту неравенства. Государственные расходы должны быть переориентированы в пользу инвестиций в образование и здравоохранение. Эти сферы следует рассматривать не как социальную нагрузку на бюджет, а как ключевой фактор долгосрочного экономического роста и важнейшее условие для достижения подлинного технологического суверенитета. Именно качество человеческого капитала определяет способность страны к инновациям и созданию собственных технологий.

Список источников / References

1. Бобков В. Н., Квачев В. Г., Локтюхина Н. В., Риччери М. Критерии, вероятность и степень неустойчивости занятости с учетом особенностей российского рынка труда // Экономика региона. 2017. Т. 13. № 3. С. 672–683. <https://doi.org/10.17059/2017-3-3>
Bobkov V.N., Kvachev V.G., Loktyukhina N.V., Ricceri M. Criteria, probability and degree of instability of employment taking into account the features of the Russian labour market. *Ekonomika regiona = Economy of Regions*. 2017;13(3):672-683. (In Russ.). <https://doi.org/10.17059/2017-3-3>
2. Степанов В. С., Бобков В. Н., Шамаева Е. Ф., Одинцова Е. В. Построение модели, связывающей индикатор уровня жизни населения с комплексом показателей социально-экономической политики в регионах России // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 4. С. 450–465. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.3>
Stepanov V.S., Bobkov V.N., Shamaeva E.F., Odintsova E.V. Building a model linking the indicator of the standard of living of the population with a set of indicators of socio-economic policy in the regions of Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(4):450-465. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.3>

3. Некипелов А. Д. Об экономической стратегии и экономической политике России в современных условиях // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 230. № 4. С. 76–89. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-230-4-76-89>
Nekipelov A.D. On economic strategy and economic policy in Russia under current conditions. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2021;230(4):76-89. (In Russ.). <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-230-4-76-89>
4. Глазьев С. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2020. 701 с.
Glazyev S. A leap into the future. Russia in new technological and world economic orders. Moscow: Knizhnyi mir; 2020. 701 p. (In Russ.).
5. Глазьев С. Ю. О глубинных причинах нарастающего хаоса и мерах по преодолению экономического кризиса // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 2. С. 11–22. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2020-2-11-22>
Glazyev S.Yu. On the underlying causes of growing chaos and measures of the economic crisis overcoming. *Evrasiyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika = Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2020;(2):11-22. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2020-2-11-22>
6. Ленчук Е. Б. Научно-технологическое развитие как основа экономического суверенитета России // Экономическое возрождение России. 2022. № 1. С. 58–65. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2022-1-71-58-65>
Lenchuk E.B. Science and technology development as a strategic national priority of Russia. *Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii = Economic Revival of Russia*. 2022;(1):58-65. (In Russ.). <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2022-1-71-58-65>
7. Зимовец А. В., Климачев Т. Д. Анализ и оценка сценариев социально-экономического развития России в условиях санкционной блокады и непредсказуемости глобальных трендов мировой экономики // Экономические отношения. 2023. Т. 13. № 1. С. 181–202. <https://doi.org/10.18334/eo.13.1.117207>
Zimovets A.V., Klimachev T.D. Analysis and assessment of scenarios for Russia's socio-economic development under the sanctions embargo and unpredictable global economic trends. *Ekonomicheskie otnosheniya = Journal of International Economic Affairs*. 2023;13(1):181-202. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/eo.13.1.117207>
8. Спартак А. Н. Современные трансформационные процессы в международной торговле и интересы России. М.: Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, 2018. 454 с.
Spartak A.N. Modern transformation processes in international trade and the interests of Russia. Moscow: All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation; 2018. 454 p. (In Russ.).
9. Болотнова Е. А., Бабкина О. А., Воронков А. А. Влияние санкций на экономику России // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. № 5. С. 33–39.
Bolotnova E.A., Babkina O.A., Voronkov A.A. Impact of sanctions on the economy of Russia. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural Humanitarian Studies*. 2023;(5):33-39. (In Russ.).
10. Широков А. А., Гусев М. С., Фролов И. Э. Макроэкономические эффекты оборонных расходов России: ретроспективный анализ и прогноз // Проблемы прогнозирования. 2018. № 4. С. 3–16.
Shirov A.A., Gusev M.S., Frolov I.E. Macroeconomic effects of Russian defense expenditures: Retrospective analysis and forecast. *Studies on Russian Economic Development*. 2018;29(4):343-351. (In Russ.: *Problemy prognozirovaniya*. 2018;(4):3-16.).
11. Потенциальные возможности роста российской экономики: анализ и прогноз. Научный доклад / под ред. члена-корреспондента РАН А. А. Широкова. М.: Артик Принт, 2022. 296 с.
Shirov A.A., ed. Potential growth opportunities of the Russian economy: Analysis and forecast. Scientific report. Moscow: Artik Print; 2022. 296 p. (In Russ.).
12. Аганбегян А. Г. Возрастающий корпоративный долг перед иностранными инвесторами — «петля на шее» национальной экономики // Деньги и кредит. 2013. № 3. С. 3–8.
Aganbegyan A.G. The growing corporate debt to foreign investors: A rope round the neck of the national economy. *Den'gi i kredit = Russian Journal of Money and Finance*. 2013;(3):3-8. (In Russ.).
13. Аганбегян А. Г. О мерах по смягчению социально-экономических последствий от санкций, принятых «недружественными» странами против России в 2022 г. // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. 2022. Т. 1. № 2. С. 36–56. <https://doi.org/10.37930/2782-618X-2022-1-2-36-56>
Aganbegyan A.G. On mitigation measures of the social and economic consequences following sanctions imposed by “unfriendly” countries on Russia in 2022. *Noonomika i nooobshchestvo. Al'manakh trudov INIR im. S.Yu. Vitte = Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*. 2022;1(2):36-56. (In Russ.). <https://doi.org/10.37930/2782-618X-2022-1-2-36-56>
14. Аганбегян А. Г. Россия: от стагнации к устойчивому социально-экономическому росту // Научные труды Вольного экономического общества России. 2022. Т. 237. № 5. С. 310–362. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2022-237-5-310-362>
Aganbegyan A.G. Russia: From stagnation to sustainable socio-economic growth. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2022;237(5):310-362. (In Russ.). <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2022-237-5-310-362>
15. Аганбегян А. Г. Социально-экономическое развитие России. Взлеты и падения. Возможности и перспективы // Среднерусский вестник общественных наук. 2023. Т. 18. № 6. С. 14–46. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2023-18-6-14-46>
Aganbegyan A.G. Social and economic development of Russia. Ups and downs. Opportunities and prospects. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Journal of Social Sciences*. 2023;18(6):14-46. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2023-18-6-14-46>
16. Аганбегян А. Г. Социально-экономическое развитие России. М.: Дело, 2005. 271 с.
Aganbegyan A.G. Socio-economic development of Russia. Moscow: Delo; 2005. 271 p. (In Russ.).

17. Аганбегян А. Г. Социально-экономическое развитие России: анализ и прогноз // Проблемы прогнозирования. 2014. № 4. С. 3–16.
Aganbegyan A.G. Social and economic development of Russia: An analysis and a forecast. *Studies on Russian Economic Development*. 2014;25(4):319-328. (In Russ.: *Problemy prognozirovaniya*. 2014;(4):3-16.).
18. Мау В. А. Экономическая политика в условиях пандемии: опыт 2021–2022 годов // Вопросы экономики. 2022. № 3. С. 5–28. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-3-5-28>
Mau V.A. Economic policy in times of the pandemic: The experience of 2021-2022. *Voprosy ekonomiki*. 2022;(3):5-28. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-3-5-28>
19. Клячко Т. Л., Семионова Е. А. Вклад образования в социально-экономическое развитие регионов России // Экономика региона. 2018. Т. 14. № 3. С. 791–805. <https://doi.org/10.17059/2018-3-8>
Klyachko T.L., Semionova E.A. Contribution of education to the socio-economic development of the subjects of the Russian Federation. *Ekonomika regiona = Economy of Regions*. 2018;14(3):791-805. (In Russ.). <https://doi.org/10.17059/2018-3-8>
20. Григорьев Л. М., Павлюшина В. А. Социальное неравенство как проблема экономической стратегии России // Мир новой экономики. 2017. № 3. С. 58–71.
Grigoryev L.M., Pavlyushina V.A. Social inequality as a problem of Russian economic strategy. *Mir novoi ekonomiki = The World of New Economy*. 2017;(3):58-71. (In Russ.).
21. Аганбегян А. Г. О необходимости новой социально-экономической политики // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Т. 15. № 3. С. 15–50. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2020-15-3-15-50>
Aganbegyan A.G. On the need for a new socio-economic policy. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Journal of Social Sciences*. 2020;15(3):15-50. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2020-15-3-15-50>
22. Бухвальд Е. М. Национальные проекты в системе стратегического планирования в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2019. № 2. С. 50–54. <https://doi.org/10.24158/tipor.2019.2.8>
Bukhvald E.M. National projects in the strategic planning system in the Russian Federation. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*. 2019;(2):50-54. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/tipor.2019.2.8>
23. Зубаревич Н. В. Региональное развитие и региональная политика в России // ЭКО: всероссийский экономический журнал. 2014. № 4. С. 7–27.
Zubarevich N.V. Regional development and regional policy in Russia. *EKO: vserossiiskii ekonomicheskii zhurnal = ECO Journal*. 2014;(4):7-27. (In Russ.).
24. Дмитриева Н. Е. Стратификационные формы упреждений неравенства доходов населения // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 13. № 12-1. С. 37–44. <https://doi.org/10.34670/AR.2024.51.15.005>
Dmitrieva N.E. Stratification forms of anticipations of income inequality. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra = Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*. 2023;13(12-1):37-44. (In Russ.). <https://doi.org/10.34670/AR.2024.51.15.005>
25. Болдырев О. Ю., Чихладзе Л. Т. Экономический суверенитет государства: ценность, вызовы, правовые механизмы защиты // Антиномии. 2022. Т. 22. № 4. С. 110–127. https://doi.org/10.17506/26867206_2022_22_4_110
Boldyrev O. Yu., Chikhladze L. T. Economic sovereignty of a state: Value, challenges, legal mechanisms for protection. *Antinomii = Antinomies*. 2022;22(4):110-127. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2022_22_4_110

Информация об авторе

Сергей Владимирович Дохолян

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник, заведующий
лабораторией проблем уровня и качества жизни

Институт социально-экономических проблем
населения имени Н. М. Римашевской —
обособленное подразделение Федерального
научно-исследовательского социологического
центра Российской академии наук

117218, Москва, Нахимовский пр., д. 32

Поступила в редакцию 17.07.2025
Прошла рецензирование 11.08.2025
Подписана в печать 11.09.2025

Information about the author

Sergey V. Doholyan

D.Sc. in Economics, Professor, Chief Researcher,
Head of the Laboratory of Problems of Standard
and Quality of Life

Rimashevsky Institute of Socio-Economic
Problems of Population of the Russian Academy
of Sciences — Branch of the Federal Center of
Theoretical and Applied Sociology of the Russian
Academy of Sciences

32 Nakhimovskiy Ave., Moscow 117218, Russia

Received 17.07.2025
Revised 11.08.2025
Accepted 11.09.2025

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов,
связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest
related to the publication of this article.